

Михаил АЛЕКСЕЕВ

1918—2007

Михаил Николаевич Алексеев, русский советский писатель, родился в селе Монастырское Баландинской волости Аткарского уезда Саратовской губернии (ныне Калининский район Саратовской области), в крестьянской семье. В 1936 году поступил в Аткарский педагогический техникум, а в 1938-м призван в армию. Во время войны был политруком. Принимал участие в сражении на Курской дуге, о чём рассказал по-

том в романе «Солдаты». Боевые дороги провели его через Украину, Румынию, Венгрию, Австрию и Чехословакию, но уже в качестве фронтового журналиста. В 1952 году — редактор редакции художественной литературы Военного издательства. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Работал в «Литературной газете», журнале «Огонёк». В 1968 году назначен главным редактором журнала «Москва», где проработал 22 года. Автор романов и повестей «Солдаты», «Вишнёвый омут», «Хлеб — имя существительное», «Ивушка неплакучая», «Драчуны», «Мой Сталинград», «Карюха» и др. По его произведениям созданы фильмы «Вишнёвый омут», «Журавушка», «Русское поле», «Хлеб — имя существительное», «Ради нескольких строчек». Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР. В 1998 году в Саратове была учреждена литературная премия имени М. Алексеева.

ИВУШКА НЕПЛАКУЧАЯ

Фрагмент первой книги

У железнодорожной кассы столпотворение.

Студенты — по большей части первокурсники — торопились домой. Им, от дня своего рождения не покидавшим прежде своих раскиданных по степям сёл, деревень и хуторов, остаться бы в городе да поглядеть на первомайские празднества, а ещё лучше — самим пройти в колонне весёлых демонстрантов да во всю силу лёгких спеть только что разученную и тотчас же полюбившуюся песню про страну, в которой так много лесов, полей и рек, в которой так вольно дышится и которую все любят, как невесту, и берегут, как ласковую мать. Нет же! Домой, и только домой! Можно ещё как-то понять Гришу Угрюмова: в Завидове его ждут отец, мать, сёстры, братишка, и все души в нём не чают. А куда б спешить Серёге, Гришиному дружку? Дома у него никого нету: мать и отец померли в тридцать третьем году,

старшие братья и сестра разлетелись кто куда, и где они теперь, Серёга не знал. Вся родня у него — тётка Авдотья, но и она сейчас не в Завидове, а в далёком большом городе, укатила на всё лето к сыну Авдею погостить. Совсем недавно прислала племяннику костюм — пиджак и штаны из одного материала, тёмно-синего, в ёлочку. Досталась же ей эта покупка! Позже, из рассказов Авдея, Серёга узнал, что тётка Авдотья в поисках костюма исходила и изъездила на трамваях весь город, прощупала своими строгими и недоверчивыми глазами все прилавки, пока не нашла того, чего хотела. Однако не вдруг, не сразу полезла за пазуху, чтобы достать заветный узелок с деньгами, а уж только после того, как продавец чуть ли не под присягой уверил её, что дешевле этой пиджачной пары не отыщется не то что в ихнем городе, но и во всём белом свете.

Облачившись в тёткин подарок, Серёга, к немалому своему удивлению, обнаружил, что выглядит наряднее всех. Одна беда: опоздала тётка Авдотья, прежде её посылки нежданно-негаданно обрушилась на Серёгу любовь. Ходил какую уж неделю в сладком чаду. Превозмогая врождённую стеснительность, искал всякую минуту, чтобы встретиться с её взглядом и прочесть в нём ответное чувство, но, кроме откровенных и жестоких в своей откровенности насмешенок, ничего в нём не прочёл, потому как полюбить хлопца с двумя выразительнейшими заплатками на штанах, конечно же, немислимо. Были бы те заплатки поменьше размером и в каких-нибудь других местах, а не на самом неподходящем, может, и было бы всё по-иному.

Серёга делал героические усилия, чтобы его старые деревенские штаны походили на городские брюки: с вечера, перед тем как лечь спать, укладывал их, тщательно расправив, под жёсткий и тяжёлый, как надгробная плита, студенческий матрац, в надежде, что к утру образуются желанные складки; рубаху носил навывпуск и без пояса, чтобы прикрыть ненавистные заплатки, но чуть наклонился или ветер лизнул сзади, снизу вверх, — они всё одно нахально выглядывали. Вскоре к этим двум прибавились ещё две —

на коленках. И Серёга был уничтожен окончательно. Кто ж полюбит такого? На пугало огородное только и сгодишься. Из всех личных врагов, какие так или иначе встречались потом в жизни Серёги, наилютейшими были те заплатки, ибо они украли у него самое дорогое, что когда-либо бывает у человека, — первую любовь.

Пока тётка Авдотья ходила по магазинам да высматривала костюм, пока готовила посылку, пока размышляла, в какую цену её определить, чтобы и не заплатить слишком дорого за пересылку, и чтобы, затеряйся добро в пути, не понести убытку; пока, наконец, двигалась эта посылка малой скоростью, время не стояло на месте и делало своё дело. Для Серёги — определённо недоброе. Лена — так звали ту девчонку — любила Семёна Мищенко, большеголового стриженного увальня, у которого были хороши разве что глаза, тёмные, с длинными, как у девчат, ресницами, да белоснежная полотняная сорочка с вышивкой. А штаны — тоже старые, обшмыганные, правда, без заплаток. И Лена с Семёном были счастливы. Когда Серёга узнал о том, белый свет ему стал не мил. И захотелось бежать — не куда глаза глядят, а в родное Завидово, вместе с Гришей Угрюмовым, с ним полегче, чай, будет.

Приятели знали, что касса откроется утром, но прибежали к вокзалу с вечера. Думали, что окажутся первыми. Не обременённые опытом, они не вспомнили вовремя, что другие ребята точно так же, как и они, могли подумать и явиться к окошечку намного раньше Серёги и Гриши. По этой причине они оказались в хвосте длиннющей очереди за билетами. Ошарашенные столь неожиданным и нерадостным открытием, друзья какое-то время растерянно молчали, переглядывались, а придя в себя, начали оценивать положение, в котором очутились. Сперва выяснили, какое число людей перед ними в очереди (оно оказалось не таким уж устрашающим), потом узнали, какова вместимость каждого вагона и сколько их в поезде. Подсчётами остались довольны, успокоились и стали ревностно оберегать своё место в очереди. Дежурили посменно: поспит немножко на лавке один, потом другой. Так дождались утра.

Касса открылась с опозданием на полчаса. Гриша и Серёга не знали, что кое для кого она отверзлась несколькими часами раньше, а знай они об этом, не стояли бы попусту. Вчерашние подсчёты были тоже ни к чему — доморощенная их бухгалтерия не учитывала того, что всякий, кто стоял впереди них, мог взять один билет, а мог сразу и четыре.

Нехорошая догадка пришла к Серёге и Грише лишь тогда, когда они увидели, что всё ещё стоят на месте, не продвинулись к цели ни на вершок, в то время когда мимо них один за другим пробегали к выходу красные, как варёные раки, счастливые обладатели билетов. В конце концов случилось то, что и должно было случиться. Перед каким-то студенческим носом с повисшей на нём капелькой пота с сердитым хлопком закрылась дверца кассы. Малый опешил на миг, затем машинально забарабанил в дверцу, заорал:

— Безобразиие!

Дверца открылась вновь, но только для того и ровно настолько, чтобы оттуда успели вылететь ответные слова:

— Чего орёшь? Ишь, сопли-то распустил! Сказала, все билеты проданы! — эти слова похоронным звоном прозвучали для всех ожидающих. — Уматывайте, пока Федосея Михалыча не позвала!

Сидящая за окошечком тётка знала, кем припугнуть ребят. Милиционер Федосей Михайлович своей свирепостью был хорошо известен всем горожанам, студентам же в особенности. Он охотился за ними в городском Доме культуры, в кинотеатре, в парке, в столовой, в железнодорожном буфете, в крытом рынке, в вагонах — повсюду, куда те могли проникнуть с известной целью, не имея в кармане ни копейки.

— Пошли, ребята! — с нарочитой гордостью предложил пострадавший. — Не хватало нам ещё Федосея!

Студенческая лава хлынула на улицу. Серёга и Гриша задержались в зале. Теперь они были одни и стояли возле окошка, не мигаючи глядя на него: вдруг откроется, вдруг кассирша сообщит, что случайно два билета остались, вот возьмите, и таким образом их выдержка будет вознаграждена.

Чудес, однако, действительно не бывает. Дверца не раскрылась, и не было похоже, что такое случится с нею в ближайшее время. До отхода поезда оставалось пять минут. Об этом сообщил ржавый репродуктор своим хриплым, вроде бы тоже проржавленным голосом.

Серёга и Гриша, не стовариваясь, выскочили на перрон. У них решительно не было никаких надежд, и всё-таки выскочили. Вдоль вагонов, важный и несокрушимо бескомпромиссный, вышагивал Федосей Михайлович.

Студенты-неудачники неприязненно посматривали на него. Относительно прошлого этого человека у них не было ни малейшего сомнения: ясно, при старом режиме Федосей Михайлович был околоточным, и, наверное, в этом же городе. Рассчитывать на то, что он утратит хотя бы на миг бдительность и даст ребятам возможность проскользнуть мимо и нырнуть в вагон, не приходилось. Такое могло случиться с любым, но только не с Федосеем Михайловичем.

Паровоз между тем запыхтел, засвистел, загудел так же хрипло, как и торчавший над перроном репродуктор, и, дёрнув вагоны раз и два, медленно поволок их от станции. Перед Серёгиными и Гришиными глазами поплыли улыбающиеся рожи знакомых и незнакомых студентов.

— Пошли пешком, — тихо и осторожно предложил Гриша.

— Пошли! — живо согласился Серёга, радуясь тому, что и сам сейчас думал о том же, — значит, решение, которое они принимают, не такое уж безумное.

От города до их Завидова около семидесяти вёрст, если идти напрямую. А они избрали путь по железной дороге, по шпалам — так, рассудили, не заблудимся, доберёмся до Лысых Гор, сойдём с полотна, свернём влево, подыдемся на гору, а там, полями, через Липняги, Дубовое, Берёзово — прямо в Завидово. К следующему утру, глядишь, будем дома.